

Г. А. Бюргер

Перевод В. Левика

Ленора

Леноре снились смерть и кровь,
Проснулась в тяжком страхе.
«Где ты, Вильгельм? Забыл любовь
Иль спишь в кровавом прахе?»
Он с войском Фридриха весной
Ушел под Прагу в смертный бой
И ни единой вести
Не шлет своей невесте.

Монархи вражеских держав,
Устав от долгой ссоры,
Смирили гнев и гордый нрав,
И мир пресек раздоры.
И, зыбля рдяный шелк знамен,
Под пенье, гул, и гром, и звон
Войска, весельем пьяны,
Идут в родные страны.

И вот спешат и стар и млад
На стены, на заставы
Встречать ликующих солдат,
Любимцев бранной славы.
Здесь муж вернулся наконец,
Там встречен радостно отец, —
Ах, для одной Леноры
Ничьи не светят взоры!

Она идет, бежит, зовет,
Глядит в глаза героям.
Но кто ж ведет убитым счет
Пред лютым вражьем строем?
Ушли! Теперь ты веришь сну?
И, разметав волос волну,
Она в смятенье диком
На землю пала с криком.

И к ней бежит в испуге мать,
Приникла к ней, рыдая.
«Над нами божья благодать,
Не плачь, не плачь, родная!» —
«О мать, о мать, Вильгельма нет.
Постыл, постыл мне божий свет,
Не внял господь Леноре.
О горе мне, о горе!»

«Господь, господь! спаси, спаси
Дитя от искушенья!
Господь, ты благ на небеси,
Прости ей прегрешенья!» —
«О мать, о мать, всему конец,
Не знает милости творец!
Не помогли молитвы,
Он пал на поле битвы».

«Господь — оплот наш и покров,
Мы все — его созданья.
Вкуси, дитя, святых даров,
Да утолишь страданья!» —
«О мать, я не пойду во храм,
Не прикоснусь к святым дарам.
Дары Христа бессильны
Нарушить сон могильный».

«Но если в Венгрии, дитя,
Забыв страну родную,
От веры душу отвратя,
Он в жены взял другую, —
Дитя, тогда забудь о нем,
Ему добра не будет в том:
Душе за грех измены
Не избежать геенны».

«О мать, постыл мне белый свет,
Я брошена в пустыне.
Он смерть оставил мне в завет,
На что мне жизнь отныне!
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти!
Навек, навек могила
Добычу поглотила!»

«Господь, господь! Не будь суров
К твоей рабе несчастной;
Она своих не слышит слов,
Прости ей гнев напрасный!
Дитя, смири молитвой плоть,
Душе отверзнет рай господь,
К ней в радостные кущи
Придет жених грядущий».

«О мать, на что мне светлый рай,
Что для меня геенна!
Где мой Вильгельм — там светлый рай,
Где нет его — геенна.
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти.

Не принесут забвенья
Мне райские селенья».

И долго бушевала страсть,
Туманя ум смятенный.
Она кляла святую власть
Создателя вселенной,
Ломала пальцы, грудь рвала,
Но вот сошла ночная мгла,
И выплыли в просторы
Ночных созвездий хоры.

И вдруг, и вдруг, тук-тук, тук-тук!
Донесся топот гулкий,
И будто всадник спрыгнул вдруг
В притихшем переулке.
И тихо, страшно, дзин-дзин-дзин,
У входа звякнул ржавый клин,
И хрипло крикнул кто-то
В закрытые ворота:

«Открой, открой! Иль спать легла,
Иль ждать не стало мочи?
Как встарь, красотка, весела
Иль выплакала очи?» —
«Вильгельм! В какой ты поздний час!
От слез я не смыкала глаз,
Кляла я свет постылый,
Откуда ты, мой милый?»

«Мы только к полночи встаем,
Мой конь летел стрелою.
Мой новый дом в краю чужом,
Я прибыл за тобою». —
«Вильгельм, войди, желанный мой,
Свистит и воеет ветер злой,
Так далека дорога!
Согрейся хоть немного!»

«Пусть ветер воеет и свистит,
Пусть плачет над полями, —
Мой конь косится и хранит,
Мне места нет меж вами!
Садись, садись же, наконец!
Храпит, храпит мой жеребец,
Сто миль скакать с тобою
Нам к брачному покою».

«Сто миль! А в поле так темно!
Сто миль скакать к постели!
Часы одиннадцать давно
На башне прогудели». —

«Живей! Луна встает из тьмы.
Домчимся раньше мертвых мы.
Дорога мне знакома,
Мы скоро будем дома».

«А домик твой красив, высок?
Постелька нам готова?» —
«Темь, холодок да семь досок,
Одна доска для крова». —
«Не тесно в нем?» — «Вдвоем — войдем.
Живей, живей! Открыт мой дом,
Невесту ждем, и вскоре
Все гости будут в сборе».

Красотка — прыг! и, в чем была,
На круп коня порхнула
И мила друга обняла,
К желанному прильнула.
И свистнул бич, и, гоп-гоп-гоп,
Уже гремит лихой галоп.
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

И справа, слева, сквозь кусты,
Гей, гоп! неуловимо
Летят луга, поля, мосты,
Гремя, несутся мимо.
«Луна ярка, не бойся тьмы,
Домчимся раньше мертвых мы.
Красотка, любишь мертвых?» —
«Зачем ты вспомнил мертвых?»

Но что за стон? Откуда звон?
Как воронье взлетело!
Надгробный звон!
Прощальный стон:
«Зароем в землю тело».
И хор идет, угрюм и строг,
И гроб на паре черных дрог,
Но песня та сошла бы
За крик болотной жабы.

«Заройте после прах немой
Под звон и стон прощальный!
Спешу с женой к себе домой
Свершить обряд венчальный!
За мной, друзья! Оставьте гроб!
Ступай благословлять нас, поп!
Пой, дьякон, что есть мочи
В честь нашей первой ночи!»

Смолк звон и стон, и гроба нет —
Лишь ветра свист и ропот,
И, точно гром, за ними вслед
Понесся гулкий топот.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

Летят деревни и сады,
Летят дома, соборы,
Равнины, реки и пруды,
Леса, долины, горы.
«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы,
Уже догнали мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» —
«Зачем ты все о мертвых!»

«Взгляни, взгляни: вздымая прах,
Столбами пыль взметая,
Кружит меж: виселиц и плах
Полночных духов стая.
Эй, нечисть! Эй! Сюда, за мной!
За мной и за моей женой
К великому веселью
Над брачною постелью!»

И сброд нечистый, хуш-хуш-хуш,
Вослед помчался с треском.
Так ветер злобный в жар и сушь
Свистит по перелескам.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

Конь скачет все в лучах луны.
Как дико скачут дали!
И небеса, увлечены,
Вдогонку заплясали.
«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы!
Домчались раньше мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» —
«О боже, что мне в мертвых!»

«Гоп-гоп! Уже истек мой срок.
Кричит петух к восходу.
Гоп-гоп! Порозовел восток.
Мой конь, прибавим ходу!
Близка назначенная цель.
Прими нас, брачная постель!

Не страшны мертвым дали,
Мы быстро прискакали».

И конь, слышав грозный крик,
Взметнулся в беге яром,
И хлыст ворота в тот же миг
Разнес одним ударом.
Слетел затвор, гремит скоба,
И, месяцем облиты,
Мерцают смутно плиты.

Взгляни, взгляни: гремя, звеня,
Гугу! свершилось чудо!
Где всадник был, теперь с коня
Ползет гнилая гряда.
И лишь скелет верхом на нем,
Скелет с часами и серпом,
Безглазый и безгубый,
Сидит и скалит зубы.

Храпя, поднялся дыбом конь
И дико морду вскинул
И с хохотом в провал, в огонь,
Об землю грянув, сгинул.
И вой раздался в тучах, вой,
И визг из пропасти глухой,
И, с жизнью в хищном споре,
Приникла смерть к Леноре...

А духи гор, долин и вод
Кружились рой за роем,
Сплетались в мерный хоровод
И выли скорбным воем:
«Терпи! Пусть горестен твой век,
Смирись пред богом, человек!
Прах будет взят могилой,
А душу бог помилуй!»